

Юй Уцюэ что, совершил какое-то вопиющее злодеяние, переходящее все границы?

Это была первая мысль, пришедшая в голову Сюэ И, когда его выставили за дверь.

Но куда больше, чем недосказанность Хэ Бугуя, Сюэ И злило само его отношение. Он, как-никак, один из наставников Четырех залов Дворца Тяньцзи, а его мало того что ни во что не ставят, так еще и Марионетка выпроваживает двух старейшин из главного зала, будто назойливых мух.

Сюэ И в растерянности застыл у входа во дворец, бормоча:

— Неужели он и правда собирается убить Уцюэ?

Му Цинцзюнь покачал головой и вздохнул:

— Думаю, у Шансяня на уме что-то, о чем он не может сказать нам напрямую. Вряд ли дело дойдет до убийства, последняя его фраза явно на что-то намекала.

— На что? Я слышал только язвительный тон.

— Не будь предвзят. Мне показалось, Шансянь имел в виду, что Юй Уцюэ должен остаться в Парящем Дворце.

— Оставил бы — так и сказал бы прямо! К чему этот гнев, к чему эти круги и кривые взгляды в нашу сторону? А если ты ошибся? Уцюэ ведь погибнет!

Му Цинцзюнь и сам не решался строить догадки, но, рассуждая с позиции обычного человека, считал, что угрозы Хэ Бугуя — лишь способ запугать. Однако Хэ Бугуй вовсе не был обычным человеком. В его глазах, если не считать брата и сестру из семьи Бай да чету Гуань Ся, все остальные ничем не отличались от созданных им Марионеток. А раз для него и живое, и неживое — лишь частица живых существ этого мира, то даже ради подношения засохшему цветку он мог бы без колебаний погубить человека. Для него это было бы вполне логично.

— Нет, об этом нужно доложить Владыке дворца.

Сюэ И отличался вспыльчивым нравом и привычкой действовать решительно. Он уже собрался оседлать меч, чтобы лететь к Владыке, но Му Цинцзюнь удержал его.

— Люди из Даосской обители Шанцин только что прибыли, Владыка занят. К тому же, его визит ничего не изменит — кто же не знает, что во всем Дворце Тяньцзи наш Владыка больше всего дорожит именно этим Шансянем? Может, сначала скажем Гуань Ся? Пусть она попробует уладить дело. Шансянь Тайвэй всегда уважал ее, если она придет просить за

мальчишку, он точно не станет чинить препятствий.

Глаза Сюэ И блеснули:

— Точно! Нужно искать Гуань Ся. Чей внук, тот за него и печется. Сделаем два захода, пошли скорее!

Му Цинцзюнь, которого Сюэ И буквально затащил на меч, долго не мог устоять на ногах. Он не удержался и подколот товарища:

— В обычное время ты ругаешь его громче всех, а как до дела дошло — все же жалеешь.

— Да плевать мне! — Сюэ И раздул ноздри. — Не собираюсь я жалеть этого непутевого сына! Как только это закончится, переведу его в другой зал. Кто хочет, пусть тот и учит, если я останусь его наставником, то к следующему году точно слягу в могилу!

Двое старейшин, измученные беспокойством за жизнь Юй Уцюэ, без промедления отправились за Гуань Ся.

Гуань Ся, ворвавшись в комнату подобно урагану, рывкнула:

— Паршивец!

Юй Уцюэ вздрогнул, но, увидев, что она не принесла с собой метелку, лишь надул губы:

— Бабушка.

— Сколько ног еще осталось? Покажи.

Язык у Гуань Ся был острым, но она сразу бросилась к кровати осматривать раны внука, и старческое волнение и жалость невозможно было скрыть.

— Я в порядке, — Юй Уцюэ, увидев состояние бабушки, почувствовал укол совести. Он взял ее за руку и мягко проговорил: — Если бы ты пришла на полчаса позже, шрамы уже начали бы заживать. Даже если бы у меня не хватало рук или ног, я бы отрастил новые специально для тебя.

— Хватит болтать!

Даже сквозь слой мазей «стеклянные» глаза Гуань Ся видели ясно: плоти на ноге почти не осталось, на обнаженных костях виднелись следы глубоких порезов. Даже с обезболивающими

пилюлями боль должна была быть невыносимой. А этот мальчишка лишь притворялся, что ему все нипочем.

— Бабушка, — Юй Уцюэ уставился на коробку с едой, — я хочу есть.

Гуань Ся разрывалась от жалости, но не хотела показывать этого, поэтому, кормя его, продолжала ворчать:

— Ну какой черт тебя дернул лезть к духовным зверям? Спас человека — ну и уходи, зачем нужно было красоваться? Давай еще тебе сцену построим, чтобы ты там танцевал? А если бы зверь погиб? Ты бы смог возместить ущерб?

— Не смог бы, не смог бы... М-м, дай еще кусочек мяса. Бабушка, не волнуйся о деньгах, я накопил много ценных материалов, если продать их на стороне, выручу немало.

— Деньги — дело десятое! А если бы с тобой что случилось, как мне жить? А? Я уже в годах, мне нельзя злиться и нервничать, неужели тебе меня не жалко?

— Я, конечно, больше всего жалею бабушку. Ай, не хочу зелень, убери!

Он слушал в одно ухо, выпускал в другое, да еще и привередничал. Получив увесистый подзатыльник, Юй Уцюэ наконец доел. Тогда Гуань Ся перешла к делу.

Чжэньжэнь Юнлэ уже рассказал о происхождении Кунда, но бабушка подняла другой вопрос: энергия, вырвавшаяся из Священной горы, могла погубить всё живое. Юй Уцюэ такого не предвидел. И пусть увечья духовного зверя были случайностью, но за столь огромную прореху в защите он не мог не нести ответственности.

Гуань Ся сказала:

— Малыш, я сейчас пойду просить прощения у Шансяня. Постараюсь сделать так, чтобы твоя заслуга в спасении людей пошла в счет искупления вины, может, наказание будет легче.

Юй Уцюэ впервые видел, чтобы бабушка была с кем-то настолько почтительна, и спросил:

— Шансянь Тайвэй настолько несговорчив? Только что слышал от Чжэньжэня Юнлэ, что наставник и Му Цинцзюнь с самого утра умоляли его о милости. Как же он хочет меня наказать?

Больше чем наказать — он хочет твоей жизни, глупый внук.

Гуань Ся не хотела пугать его и утешила:

— Не бойся. Господин Хэ может не давать лица другим, но мне отказать не посмеет. Жди бабушку, скоро мы вернемся домой.

Слова Гуань Ся успокоили Юй Уцюэ, он лег и стал ждать. Прошел час, еда в коробке закончилась, а бабушка все не возвращалась.

Прошел еще час, Юй Уцюэ начал тревожиться. Наконец дверь отворилась.

Лицо Гуань Ся было темнее тучи, она явно была в ярости. Юй Уцюэ, почуяв недоброе, притих.

Гуань Ся села на край кровати и долго смотрела на него, прежде чем спросить:

— Ты что-то от меня скрываешь?

Юй Уцюэ опешил:

— Нет.

— В самом деле?

— Правда нет. Почему ты так спрашиваешь, бабушка?

Гуань Ся явно хотела что-то сказать, но долго сдерживалась и в конце концов проглотила слова.

— Я все обдумала и считаю, что тебе лучше остаться здесь и поразмыслить над своим поведением. Что бы ты ни натворил, ты должен дать Шансяню объяснение.

Юй Уцюэ: «???»

— В чужом дворце попридержи свой нрав. Веди себя тихо, помогай по хозяйству, не забывай о культивации. Что бы Шансянь ни велел — делай, слушайся его, не перечь. Когда он будет доволен, то сам тебя отпустит.

Юй Уцюэ протяжно позвал «бабушка», но это не помогло. Пришлось спросить:

— Что именно Шансянь тебе сказал?

— Что он сказал — сам тебя спросит.

Гуань Ся ловко собрала коробку с едой и собралась уходить. Ее взгляд был полон противоречий: помимо любви и жалости в нем сквозило еще что-то. Она долго смотрела на Юй Уцюэ, а напоследок погладила его по голове.

— Малыш, бабушка верит, что у тебя не было злого умысла. Но все, что ты сделал, лучше честно расскажи Шансяню. Даже если он будет наказывать тебя до полусмерти, он не отнимет твою жизнь. Будь послушным и не жалуйся.

Гуань Ся ушла очень решительно. Ее перемена в настроении сбила Юй Уцюэ с толку. Больше всего его озадачивало то, в чем именно он должен честно признаться.

В комнате стоял тяжелый запах лекарств. Действие обезболивающего закончилось, и Юй Уцюэ покрылся холодным потом от боли. Никто не приходил проверить его, поэтому он зарылся в одеяла и так, стиснув зубы, пролежал до самого заката.

<http://bllate.org/book/21954/2281016>